

место в „Изборнике Святослава 1076 года“, в „Молении Даниила Заточника“ и более всего представленной в пословицах, потому что рифма способствовала запоминанию нравственных правил и наставлений, содержащихся в афоризмах. Сюда принадлежат такие рифмованные формулы, как: „другу не дружить, а недругу не мстить“,¹ „по дружбе никому не норовити, а по недружбе никому не мстити“,² „как начали, так бы и докончали“,³ „как есте начали, так бы есте совершали“⁴ и пр.

Конечно, и метонимии, персонифицирующие земледельческие орудия, и ритмический сказ, и рифмованные приказания — всё это должно было действовать на тех, для кого были написаны грамоты, как действует художественно оформленное слово, но это не плод осознанного стремления профессионала письма повлиять словесною формою на слушателя или читателя, это стихийное проявление творческих элементов народной речи.

Говоря о художественно-литературной обработке московских грамот, я имею в виду приемы их изложения, которые приходится отнести именно к осознанному стремлению профессионалов письма повысить уровень своей работы, сделать ее искуснее и ценнее. К таким осознанным художественным формам в грамотах относится рифмованная речь в распространенном изложении, к которой любили прибегать авторы исторических повестей и мемуаров XVII века, вставляя ее в прозаический текст.

Обыкновенно авторы грамот пользуются рифмой морфологической, чаще всего глагольной. Глагол-сказуемое, преимущественно в инфинитивной форме, заменявшей императив, имел в грамотах, подобно древним классическим языкам, подчеркнутое место в конце речевой единицы или ее более или менее самостоятельной части. Таким образом, благодаря одинаковым глагольным окончаниям создавалась рифмованная неметрическая речь. Грамоты пользуются ею не безразлично. Большею частью рифма появляется в грамотах в случаях, когда она становится средством эмоционального воздействия.

В грамоте воевод князя Одоевского и Головина 1614 года к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого и Марину Мнишек говорится: „ныне всего Российского государства дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди, и атаманы, и казаки... польским и литовским людям зло их доводят, и там их, врагов и разорителей, доходят, и содеянное ими им мстят, польскую и литовскую землю воюют, жгут и пленят... И вы б... против всяких государевых и Московского государства недругов — иноязычников крепко стояли, и везде, не щадя голов своих, кровь свою проливали, и пленных хрестьянских душ из бесерменских рук высвобождали, а к таким воровским заводам не приставали“.⁵

Рифма придавала приказаниям сугубо императивный характер и поэтому встречается в грамотах, адресованных лицу, от которого требовалось строгое выполнение предначертаний центральной власти.

В 1625 году в Кузнецкий острог, вокруг которого жили ясачные люди — татары и остяки, был послан на воеводство Федор Голенищев-Кутузов. Он должен был сменить прежнего воеводу, при котором население страдало от насилий и поборов, тогда как московское правитель-

¹ АИ, т. 5, СПб., 1842, № 133, стр. 227.

² АЭ, т. 2, № 10, стр. 60.

³ АЭ, т. 2, № 127, стр. 236.

⁴ АЭ, т. 3, № 21, стр. 30.

⁵ АЭ, т. 3, № 19, стр. 24—25.